

СЕРГЕЙ МОГИЛЕВЦЕВ

ОСТРОВ

ПРОКЛЯТЫХ

РОМАН

Сергей Могилевцев
Остров Проклятых

«Accent Graphics communications»

2016

Могилевцев С.

Остров Проклятых / С. Могилевцев — «Accent Graphics communications», 2016

Роман-исследование о жизни современного Крыма в эпоху присоединения его к России. Написан от лица писателя, живущего в небольшом южнобережном городке.

© Могилевцев С., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

1. Огонь	5
2. Анастасия	12
3. Книги	15
4. Жертвоприношение	18
5. Автономия	20
6. Запах свободы	22
7. Ветер	25
8. Русская Весна	27
9. Допрос	29
10. Берег	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Могилевцев

Остров Проклятых

Роман

1. Огонь

Никогда не спрашивай, чьи книги горят в огне, который ты видишь перед собой, – это горят твои собственные книги! Глядя на огромный костер, в котором корчились, и превращались в тлен сотни безвинных книг, я и представить себе не мог, что совсем скоро точно так же, в гораздо большем по размерам костре, будут гореть и мои книги. Всего лишь через месяц, или два, те самые книги, которые родил я, вынырнул и выносил, как мать рождает, вынашивает, а потом воспитывает дитя, надеясь на то, что оно не умрет в младенчестве, и доживет до глубокой старости. Какой же я был наивный! Неужели я не знал, что за детьми нужен глаз, да глаз, что их нельзя отсылать одних неизвестно куда, что они очень хрупкие и подверженные опасностям создания, и что их любой может обидеть. Впрочем, всем известно, что у детей очень большой запас прочности, и они выживают в таких катастрофах, где взрослые погибают в самые первые мгновения. Выживают во время землетрясений, и их находят через неделю, живых и здоровых, рядом с горами трупов взрослых людей. Выживают в пожарах, спрятавшись в погребке, и во время цунами, ухватившись за какой-то хрупкий обломок. Выживают в автокатастрофах, оставшись нетронутыми среди груды окровавленного и искореженного металла. И точно так же ведут себя книги. Книгу вообще очень трудно уничтожить. Трудно утопить, разорвать пополам, или, допустим, сжечь. Рукописи ведь, как известно, не горят. И книги не горят тоже, разве что если кто-то очень захочет их сжечь. Попробуйте сжечь толстенную средневековую инкунабулу, какой-нибудь «Молот ведьм», оббитую по бокам железом, одетую в переплет из телячьей кожи, да к тому же еще закрытую на толстенный и надежный замок. При всем желании у вас из этого ничего не получится. Попробуйте утопить в пруду пачку книг – она будет благополучно плавать на поверхности, рассказывая всем о вашем преступлении, и на ней будут сидеть лягушки, и вить гнезда болотные утки. Еще больше усилий, причем абсолютно тщетных, вы потратите на то, чтобы в домашних условиях сжечь книгу. Даже если у вас дома есть печь, вам необходимо будет отрывать от книги лист за листом, и жечь всех их отдельно, и только лишь после этого бросить в огонь корешок, который задымит всю вашу квартиру, наполнив ее запахами типографской краски и давно засохшего клея. Все сказанное относится и к рукописям. Рукописи – это без пяти минут законченные книги, и сжечь их так же трудно, как и готовую, выпущенную в издательстве книгу. Домашней печи для этого мало, для этого требуется огромный костер, зажженный на площади какого-нибудь обезумевшего провинциального города. Какого-нибудь настолько обезумевшего и стоящего на грани преступления города, в котором все уже было готово для такого прилюдного жертвоприношения. Для такого прилюдного позора. Для такого, бросающего вызов здравому смыслу, цивилизации, и самой жизни, позора.

Я шел по Симферополю, закончив встречу со своим издателем, обычным путем, к железнодорожному вокзалу, уже издали начиная испытывать некое беспокойство. Некое предчувствие чего-то неотвратимого, от чего избавиться будет уже нельзя. Некой беды, которая, аки тать в ночи, поджидает меня за следующим поворотом. Я обычно шел этим путем от издательства к вокзалу, предпочитая не пользоваться транспортом, поскольку и так проводил слишком много времени за столом, работая над очередной книгой. В Алуште, где я жил, издать книгу было невозможно, и мне приходилось ездить в Симферополь, в столицу республики, где изда-

тельств было пруд пруди, и где я выбрал одно, относительно недорогое, выпускающее довольно приличные книги. Не с моими финансами было выбирать дорогое издательство, которое бы совсем не гарантировало нужное качество. Я знал многих писателей, заплативших за свою книгу огромные деньги, найденные то тут, то там, и получившие в итоге неизвестно что. Книгу, в которой или обложка была приклеена задом наперед, или нумерация страниц шла в обратную сторону, или вообще весь текст был чей-то чужой. Впрочем, и за моим издателем требовался глаз да глаз, я понял это в самом начале, как только пришел к нему в первый раз. Это был довольно хитрый татарин, перебравшийся сюда из Средней Азии, уже имевший опыт издательского дела, и с успехом использующий его в Крыму. Главной его изюминкой было превращение вашей книги в эдакую конфетку, от которой невозможно было оторвать глаз. Что находилось внутри этой конфетки – совершенно неважно, встречают ведь, как известно, по одежке, и очень часто этим все и заканчивается. Надо отдать должное моему татарину – превращать совершенно ничтожную рукопись в неотразимую конфетку он умел мастерски! И при этом брал денег чуть ли не в два, а то и в три раза меньше, чем остальные. К нему, естественно, толпой тянулись литераторы разных мастей, в основном местные провинциальные бездари, пишущие Бог знает что, абы только написать, и увидеть написанное в виде изящной, непередаваемо пахнущей свежей краской, книги. И неважно, что некоторые страницы в этой книге отсутствовали, некоторые слова и даже целые строчки были не пропечатаны, а некоторые куски текста пропадали, или повторялись по несколько раз. Главное, что было можно, получив книгу, подарить ее нескольким своим приятелям, таким же безвестным и никому ненужным провинциальным литераторам, сделав для каждого умопомрачительную дарственную надпись, и поставив под ней лихой авторский росчерк. В провинции книги издаются только лишь с одной целью – для того, чтобы одарить ими пять, или шесть человек, рассказав под водку и закуску, как трудно она досталась тебе, а остальной тираж или засунуть в кладовку, или, обзвумев от все той же водки и вечной провинциальной тоски, утопить в местном пруду. Что, как уже было сказано выше, совершенно невозможно, ибо рукописи и книги, как объяснил некогда классик, не только не горят, но и не тонут в пруду. А равно в озере, реке, море и океане.

Я долго не мог понять, в чем хитрость моего татарина, организовавшего столь популярный и прибыльный бизнес, пока, наконец, не докопался до нескольких, действительно очень хитрых, вещей. Во-первых, переехавший из Средней Азии мой благодетель практиковал потогонную систему, как некий бай прошлых веков, выращивающий на бахчах дыни и арбузы, используя для этого дешевый труд местных феллахов. Мой хитрый татарин поступал точно так же, нанимая молодых мальчиков и девушек, как русских, так и татар, абсолютно в равной пропорции, которым месяцами ничего не платил. Он говорил своим бесправным рабам, верстальщикам, наборщикам и дизайнерам, что у него совершенно нет денег, и что совсем скоро, как только ему заплатят, он с ними непременно рассчитается. Вполне возможно, что у него действительно не было денег, ибо он не воровал, не грабил, и весь свой умопомрачительный проект организовал буквально с нуля. Или не совсем с нуля, поскольку официально издательство его было государственным. Другим его секретом был необыкновенный наплыв литераторов, желающих издать дешевую книгу, которым действительно важнее был внешний вид, чем ее содержание, и, следовательно, большой оборот. И третий секрет, который я разгадал самым последним, было глубинное, пришедшее из тьмы веков, из шума и гама восточных базаров и торжищ, желание торговаться. Если бы мой татарин не занимался изданием книг, а жил в Средней Азии несколько веков назад, он бы, несомненно, сидел на рынке, и торговал арбузами, самаркандскими дынями, или ослиными шкурами. Торговаться из-за стоимости очередной книги было его коньком, он просто болел из-за того, что русскоязычные литераторы, никогда не торговавшие на рынке арбузами, или ослиными шкурами, не умели этого делать. Он жестоко мстил им за такое неумение торговаться, взвинчивая стоимость книги до небес, и выдавал автору фактически красивую конфетку, внутри которой был сплошной пшик.

Он точно так же, пока не раскусил я его секрет, поступал и со мной, и я чуть не сошел с ума от того, что получил лишь красивую и дешевую конфетку, которую приятно было держать в руках, но нельзя было положить в рот. Это потом, когда я начал торговаться с ним за каждую новую книгу, он сильно зауважал меня, подозревая, очевидно, что, возможно, я родственная ему душа, и когда-то торговал в Самарканде ослиными шкурами. В этом веке, или в прошлом, или тысячу лет назад, неважно. Для моего восточного издателя времени в европейском понятии слова не существовало, он одновременно и сидел у себя в кабинете передо мной за столом, заваленном издательскими договорами и верстками, и покрикивал на наемных рабочих где-нибудь на азиатской бахче возле бьющего чистой влагой арыка. И арык, и влага в нем, и бахча, и безмолвные феллахи на ней, принадлежали, разумеется, целиком моему баю. Научившись с ним торговаться, я сразу же существенно снизил цену своих книг, а также повысил их качество, ибо, уважая меня, мой татарин более внимательно стал относиться и к процессу их подготовки. Впрочем, я уверен, что ему было в высшей степени наплевать, что содержалось в тексте книги, и о чем она была написана. Что же касается уважения, то уважал он лишь себя самого, да еще немного тех, кто, как и он, умел торговаться. Только очень немного, поскольку, как я уже говорил, жил вне времени, и одновременно находился здесь в Симферополе, в кабинете своего издательства, и на рынке средневекового Самарканда, торгуя ослиными шкурами. В процессе издания книги необходимо обговаривать с издателем буквально каждую мелочь, а также с верстальщиками, дизайнерами и художниками, и потому мне приходилось непрерывно мотаться из Алушты в Симферополь, а потом возвращаться пешком к железнодорожному вокзалу, чтобы сесть там на троллейбус, и вернуться домой.

День клонился к вечеру, небольшой ветерок тянул запах гари, центральная часть Симферополя был на удивление безлюдна, хотя в это время здесь всегда было много народа. Я не придавал этому большого значения, издательские дела еще полностью занимали меня, но когда завернул за угол, и вышел на площадь, внезапно понял все. Люди, которые должны были гулять по улицам, столпились здесь вокруг огромного костра, запах гари от которого разносился по всему городу. Это было странно и необъяснимо, это было дико, такого в городе происходить просто не могло. Но все было именно так: на одной из площадей Симферополя пылал огромный костер, вокруг которого столпились множество людей. Все они делились на две части: на зрителей, и на тех, кто находился рядом с костром, похожих на ряженных во время праздника Ивана Купалы. Они бесновались, выкрикивали какие-то лозунги, обнимались, смеялись, обращались к зрителям с просьбой подойти к ним, и принять участие в общем веселье. Сначала я не понимал, что это за веселье, и в чем состоит радость ряженных, но когда подошел поближе, сразу же сообразил, в чем дело. В костре жгли книги. Десятки, сотни, тысячи книг полыхали в огромном костре, вздымая к небу тучи искр, которые, подхваченные ветром, разлетались красочным фейерверком во все стороны. Костер был такой огромный, что пламя от него поднималось вровень с крышами окрестных домов. К площади постоянно подходили какие-то люди, тащившие с собой тяжелые связки книг, и складывали их возле костра, а неутомимые и веселые ряженные хватили эти книги, и бросали в огонь. Они бросали их по одной книге, по две и по три, или сразу целыми связками, и огромный костер мгновенно пожирал эти книги, превращая их в ничто, в жар, в тлен, в отдельные, корчащиеся в пламени, пытающиеся сопротивляться страшному жару, страницы. Но сопротивление было бесполезным! Жар огромного костра был таким страшным, температура в нем была настолько большой, что ни одна книга не могла уцелеть в этой адской пылающей топке. В ней бы не смогло уцелеть и железо, которое бы сразу расплавилось, а не то, что отдельная, созданная не для растопки, а для чтения, книга. И поэтому книги сгорали в огне мгновенно, а из окрестных дворов и переулков какие-то люди тащили к костру все новые и новые книги, которые были обречены так же, как и их предшественники. Неожиданно подъехал грузовик, доверху нагруженный книгами, на него сразу же залезли несколько добровольцев, и стали скидывать эти книги на землю. А ряженные, которых

я сразу же окрестил про себя пожарниками, стали швырять эти книги в огонь, раздувая пламя уже чуть ли не до небес.

– Осторожно, – закричал кто-то, – не бросайте за один раз так много, могут загореться ближайшие дома!

– Ничего, – закричали ему в ответ, – пусть горят, пусть все здесь сгорит, мы потом отстроим все заново, еще лучше и красивее, чем прежде!

– Это историческая часть города, сказал мне какой-то пожилой мужчина, похожий на профессора, стоящий рядом со мной, – этим домам больше ста лет, они построены еще до революции, а некоторые гораздо старше.

– Что здесь происходит? – спросил я у него.

– Жгут украинские книги, – ответил мне мой собеседник. – Несут их отовсюду: из квартир и ближайших библиотек, из школ, из детских садов, и вообще оттуда, откуда возможно. Все: учебники, книги по истории, научные труды, детские сказки, диссертации, и даже классику. Они не жалеют никого, для них нет ничего святого. Ненависть к Украине у них так велика, что они не пожалели бы и мать родную, заговори она на украинском языке. Я уверен, что в этом костре горят и Толстой, и Достоевский, и Пушкин, и Шекспир, и Гёте, которых эти безумцы, разумеется, никогда не читали. Но они напрасно радуются, там, где сжигают книги, в конце концов будут сжигать и людей.

– Я уже где-то слышал эти слова, – ответил я своему профессору.

– Это сказал Гейне, – ответил он мне, – великий немецкий поэт, стихи которого запрещали нацисты. Песни на стихи его пели, ибо не петь их было нельзя, но говорили, что слова в них народные. К сожалению, у нас происходит то же самое, что происходило в Германии после прихода Гитлера. Мы, вне всякого сомнения, являемся свидетелями зарождения фашизма.

– Но кто эти молодчики, которые сейчас жгут книги? – спросил я у него.

– Это не молодчики, это боевики. Представители русского блока, как они сами себя называют. Но это, поверьте мне, только начало. Пройдет немного времени, и они открыто начнут называть себя нацистами.

– Вы действительно верите в то, что сейчас говорите?

– А вы верите в то, что сейчас видите? Могли мы подумать хотя бы несколько дней назад, что на одной из площадей Симферополя начнут жечь книги в огромном костре? Скажи вы кому-нибудь об этом неделю назад, и вас сразу же объявили бы сумасшедшим. Но нет, никто здесь не сумасшедший, ни мы с вами, ни те, кто сейчас жжет эти книги! И в меньшей степени те, кто это сейчас делает. Они-то уж точно знают, что им надо. Сначала украинские книги, потом немецкие, польские и русские, потом Гейне, Гёте и Достоевский, а потом вспыхнем и мы с вами, а также те, кто не согласен с ними. Пришли лихие времена, уважаемый, а наступают еще страшнее, поверьте уж мне, я знаю, о чем говорю в силу своего возраста и своей профессии.

– А кто вы про профессии? – спросил я у него.

– Преподаю филологию в местном университете, – ответил он мне. – А вы?

– Я писатель, – коротко ответил я.

– Тогда нам с вами делать здесь нечего – сказал он, – не стоит смотреть на весь этот ужас, и быть, хотя бы косвенно, участником этого преступления. Пойдемте отсюда как можно быстрее.

– Нет, – ответил я своему собеседнику, – вы идите, а я хочу досмотреть все до конца. Любопытно, чем все это закончится. После того, как костер догорит, и больше не останется книг, которые можно было бы жечь.

– Такого никогда не произойдет, – ответил он мне. – Книг на земле накоплено такое количество, что все их сжечь просто невозможно. Разве что устроить костры на всех площадях всех городов мира.

– А вы верите в то, что это возможно?

– Возможно что?

– Устроить костры на всех площадях всех городов мира.

– В наше время возможно все, я, во всяком случае, после сегодняшних событий не удивляюсь уже ничему. Об одном лишь молю небеса – не дожить до того времени, когда на земле сгорит в огне последняя книга.

– Уверен, что такого никогда не случится.

– Вашими бы устами, да мед пить! – ответил он, сделал прощальный жест рукой, и исчез в кромешной тьме, обступившей со всех сторон объятую пламенем площадь.

Между тем откуда-то подъехал автобус, и из него связками стали выносить книги, которые сразу же подносили к костру, и кидали в огонь. Было такое ощущение, что сюда свозили книги со всего Симферополя, а быть может, даже из всего Крыма.

– Грабят библиотеки, – говорили в толпе рядом со мной, – взламывают замки, и грузят на машины все подряд, не обращая внимания, украинские это книги, или нет. Для них все равно, на каком языке книга, главное, чтобы она хорошо горела в костре!

– Книги – это очень большое дерьмо, – ответил говорившему его товарищ. – Я как-то обчистил библиотеку, в надежде продать кому-нибудь книги, но ничего хорошего из этого не вышло. Книгу невозможно продать, она никому не нужна, ее нельзя обменять не только на бутылку водки, но даже и на бутылку пива. Ты не поверишь, но я три дня ходил по Симферополю с огромной сумкой, полной украденных книг, а потом выкинул их в Салгир. Но и там, паскуды, они не утонули, а еще несколько дней болтались у берега, пока куда-то не исчезли. Наверное, какой-нибудь интеллигент сжалился, и взял их себе.

– Я бы этих интеллигентов сжигал на кострах вместе с книгами! – убежденно ответил первый. – Нет большего зла, чем интеллигенты и книги, особенно для таких работяг, как мы. Весь день вкалываешь на заводе, а что видишь в итоге? Денег нет ни на хлеб, ни на водку, приходится поэтому покупать в аптеке всякую гадость!

– Ты же вроде уже десять лет не работаешь на заводе, – резонно возразил ему второй собеседник, – а живешь только тем, что украдешь, или выпросишь у прохожих.

– Потому и не работаю, что грабить и выпрашивать гораздо выгодней. А книги главное в жизни зло, потому что их нельзя ни на что обменять! – убежденно ответил грабитель библиотек.

Я попытался увидеть лица двух говоривших, но пламя костра слепило в глаза так сильно, что ничего, кроме неясных силуэтов, внешне похожих на людей, не было видно. Черная магия сожжения книг делала свое страшное дело. Случайных зевак на площади уже не осталось, все, кто захотел покинуть ее, давно уже сделали это. Никто не препятствовал страшному действию, не было ни милиции, ни протестующих, а те, что остались, постепенно теряли свою индивидуальность, и превращались в одну безумную, лишенную лиц и воли массу, готовую абсолютно на все: на грабеж, на убийство, и на разжигание точно таких же костров по всему городу. А если понадобится, то и по всему миру. Было уже темно, книг на площадь больше никто не подносил, машины тоже не подъезжали, и огромный костер начал постепенно съезжаться, и оседать к земле. Повсюду валялись частично сгоревшие страницы и обложки, а также отдельные полубогоревшие книги. Кто-то из стоявших вокруг людей попытался поднять одну из них, но на него сразу же закричали, вырвали книгу из рук, и швырнули в костер. Она издала жалобный звук, неожиданно раскрылась, и можно было отчетливо прочитать название на первой странице: «Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка». Через мгновение книга вспыхнула ярким пламенем, страницы ее стали в бешеном темпе раскрываться одна за другой, были ясно видны отдельные слова и отдельные строчки, и даже отдельные буквы, а потом все исчезло в общем беспощадном огне. Еще через пятнадцать минут костер догорел, от него осталась огромная гора пепла, а вокруг на десятки метров были разбросаны отдельные обгорелые по краям страницы, съезжившиеся корешки, и несколько чудом уцелевших книг,

которые уже некуда было бросать. Неожиданно из толпы выбежал человек, нагнувшись над одной из уцелевших книг, схватил ее, и прижал к своей груди. На него из толпы сразу же закричали, зашикали, засвистели, а потом какой-то парень с искаженным от злобы лицом подбежал к нему, и с силой ударил чем-то по голове. Человек упал на землю, продолжая прижимать книгу к груди, а вокруг его головы стала медленно растекаться темная лужа крови. Вокруг радостно закричали, заулюлюкали, а потом стали выкрикивать разные лозунги. Чаще всего слышалось:

«Факелы, факелы, зажигайте факелы!»
«Русский мир, русское единство!»
«За Россию, за Путина!»
«За Родину, за Сталина!»
«Маршировать по центральным улицам Симферополя!»

Вперед вышел человек с зажженным факелом в руке, который, судя по всему, был руководителем всего этого мероприятия. В свете ярко горевших на площади фонарей лицо его было очень хорошо видно. Я сразу же узнал его. Это был Сергей Ш., несостоявшийся литератор, давно уже возглавлявший одну из крымских националистических организаций. Одно время, когда это еще было возможно, он даже выставлял свою кандидатуру на пост президента Крыма, но потерпел тогда позорное поражение. Он всячески демонстрировал свое единение с народом, и часто выступал на митингах, стоя на подножках тяжелых грузовиков. Неясно, почему он предпочитал именно грузовики, возможно, из-за некоего внутреннего родства с ними. Помню, я не удержался тогда, и написал на него эпиграмму, начало которой было примерно такое:

«Президент тяжелых грузовиков,
Разговаривает с народом без дураков,
Залезает на грузовик, и громко орет,
А вокруг стоит обалдевший народ...»

Президентом тогда избрали Мешкова, которого, впрочем, вскоре с позором изгнали за пределы Крыма. С этим же Ш. была связана одна довольно отвратительная, и даже гнусная история. Знакомый литературный критик, учившийся с ним в Литинституте, рассказывал мне, что однажды Сережа Ш. написал в деканат донос на своего преподавателя, известного писателя М. На семинарских занятиях М. (а дело было еще во времена Советского Союза) цитировал своим студентам слова из романа Набокова, где говорилось о «зеленых ленинских мозгах». Да, да, не больше и не меньше, именно о «зеленых ленинских мозгах», которые Сережу Ш., пламенного комсомольца, возмутили настолько, что он и написал в деканат свой гнусный донос! Разумеется, гениальный Набоков, искренне ненавидевший и Ленина, и Советскую власть, мог себе позволить такую невинную шалость. Но позволить Сереже Ш. писать доносы, тем более на известного писателя М., в Литинституте, естественно, не могли. На словах поблагодарив Сережу за бдительность, и даже пожав ему руку, его тихо и мирно отчислили из Литературного института, и доносчику ничего не оставалось, как вернуться из Москвы в свой родной Симферополь. История с зелеными ленинскими мозгами наделала немало шума в Литинституте, ее неизменно рассказывали каждому новому поколению студентов, и будут, очевидно, рассказывать вечно. До тех пор, во всяком случае, пока вообще будет существовать это странное и загадочное литературное заведение, всерьез считающее, что на писателя можно выучиться, а не получить из рук Бога милостивое разрешение стать им.

Наэлектризованная толпа, между тем, построилась в организованные колонны, подняла над головой зажженные факелы, развернула заранее припасенные националистические лозунги, и радостно двинулась к центру города. Их лица мелькали предо мной, словно в абсурдном калейдоскопе: искаженные злобой, вседозволенностью, ненавистью, опьяненные насилием

и первой пролившейся кровью. Лица людей, которые только что жгли книги, и были готовы, если понадобится, сжечь целый город. Они уходили вперед, демонстрируя свое единство, свою силу и свою правду, которым на данный момент не мог противостоять никто. Смотреть на это было невыносимо, но я героически ждал, когда последний пылающий факел скроется за поворотом. На площади никого не осталось, кроме меня, и медленно тлеющей огромной горы пепла. Мой знакомый профессор с жесткой седой бородкой все так же лежал лицом вверх, глядя в небо широко открытыми мертвыми глазами. К груди его была прижата спасенная от огня книга. Я подошел к нему, присел рядом, и закрыл ладонью его глаза. Потом взял из его рук, которые уже начали коченеть, спасенную книгу, и поднес ее к лицу. «Лев Толстой. Хаджи-Мурат», было по-русски написано на ее обложке. Я поднялся, и оглянулся вокруг. Кроме меня, у тлеющего костра никого не было. Я прижал к груди спасенную книгу точно так же, как прижимал ее только что мертвый профессор, и, не оглядываясь, пошел вперед к вокзалу. Сидя у окна полночного троллейбуса, увозившего меня из Симферополя в Алушту, я пытался что-либо разглядеть в темноте, но неизменно видел лишь лицо убитого человека, прижимающего к груди полуобгоревшую книгу. Не знаю почему, но в голове у меня сами собой звучали стихи Пушкина:

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!

2. Анастасия

Ее звали Анастасия, и она заведовала библиотекой киевского Майдана. Я как раз издал в Симферополе свою очередную книгу, и решил послать ее вместе с несколькими предыдущими на адрес библиотеки Майдана. Меня покорила и вдохновила эстетика киевского Майдана, она была так высока и так прекрасна, что порой я горько сожалел о том, что сижу у моря в маленьком крымском городе, а не участвую вместе с другими в битве добра и зла. Если бы на земле можно было выдумать что-нибудь прекрасное и возвышенное, то ничего лучше киевского Майдана придумать было бы невозможно. Это было не только фантастично, сюрреалистично и трагично, это было и по-настоящему красиво. И это было правильно, ибо борьба за свободу, со всеми ее жертвами, ужасами, кровью и грязью, обязательно должна быть красивой. Это, очевидно, был некий главный, тайный, скрытый ото всех закон мироздания, гораздо более главный, чем все остальные законы: борьба за свободу обязательно должна быть красивой. И люди, которые сражаются за свободу, тоже непременно должны быть прекрасны. Поэтому когда я в Интернете наткнулся на информацию о том, что на киевском Майдане существует библиотека, книги из которой читают бойцы в перерывах между боями, я сразу же решил, что в ней обязательно должна быть и моя книга. И даже не одна книга, а много книг, столько, сколько у меня есть сейчас под рукой. Тем более, что в небольшой справке, сопровождающей информацию о библиотеке, говорилось о том, что книг в ней не хватает, и любой писатель, приславший сюда книгу, встретит умных и благодарных читателей. Я был писателем, написавшим уже довольно много книг, во всяком случае, я сам себя таковым считал, и поэтому сразу же решил, что непременно пойду на почту, и отошлю в Киев все, что смогу. Отсылать книги следовало девушке по имени Анастасия, которую я сразу же стал представлять в виде «Свободы на Баррикадах» Делакруа, и этот образ настолько вошел в мое подсознание, что таинственная Анастасия еще долгое время представлялась мне именно такой. Она стояла на киевских баррикадах с прекрасным и окрыленным высокой идеей лицом, полуобнаженная, со знаменем революции в руках, а вокруг свистели пули, взрывались свето-шумовые гранаты, падали раненые и убитые, поднимались клубы дыма, а сверху, невидимое за тучами, уже всходило солнце свободы. Ибо всегда, когда на баррикадах появляется полуобнаженная девушка со знаменем революции в руках, над ней и над баррикадами обязательно всходит солнце свободы. Незачем говорить, на чьей стороне я был – я был на стороне свободы.

Прежде всего следовало позвонить этой загадочной Анастасии, этой девушке революции, и услышать ее живой голос, который, разумеется, должен звучать, как чудесная музыка. А как же иначе, скажите мне, должен звучать голос «Свободы на Баррикадах»?

– Это библиотека Майдана? – спросил я после того, как гудки закончились. – Могу я поговорить с Анастасией?

– Я вас слушаю, – ответили мне с той стороны.

– Я русский писатель Сергей Могилевцев, живу в Крыму, в Алуште, и мне хотелось бы послать книги в вашу библиотеку.

– Вы русский писатель, живущий в Алуште?

– Да, это мой город детства, я живу здесь наездами, и не очень долго, а так в основном обитаю в Москве. У меня много книг, все на русском языке, и я бы хотел послать некоторые из них на ваш адрес. Скажите, вас зовут Анастасия?

– Да, – ответила она, – меня зовут Анастасия, и я очень рада вашему звонку. Хотя, если честно признаться, с юго-востока Украины нам звонили и предлагали свои книги всего лишь несколько человек. Собственно говоря, вы всего лишь второй, больше никто из вашего региона нам не звонил.

– Но почему? – спросил я у нее.

– А вы разве не понимаете?

– Нет, совершенно не понимаю. Раз я писатель и у меня есть книги, которыми я хочу поделиться с другими, почему я не могу этого сделать? Может быть, вас пугает тот факт, что мои книги на русском языке? К сожалению, я не пишу на украинском.

– Нет, что вы, это не играет совсем никакой роли, у нас большая часть книг в библиотеке Майдана именно на русском языке. Киев вообще русскоговорящий город, здесь большинство говорят и даже думают именно по-русски.

– Тогда в чем же дело?

– В том, что мы с вами разные. В том, что мы с вами враги!

– Кто «мы»?

– Мы, защитники Майдана, и вы, юго-восток Украины!

– Простите, когда речь идет о культуре, нет никаких врагов, это область, свободная от какой-либо идеологии. Это нейтральная территория, земля вечного перемирия, и даже, если хотите, вечной любви. Я покорен эстетикой революции, я влюблен в идею Майдана, я вообще революционер по своим убеждениям, и мне плевать, что кто-то здесь считает вас своими врагами. Я, во всяком случае, вас своими врагами не считаю. Те, кто читает мои книги, автоматически становятся моими друзьями. А тот факт, что все они рискуют жизнью, и могут в любой момент погибнуть, делает наше содружество еще прекрасней. Кто знает, быть может какая-то из моих книг, спрятанная на груди у бойца Майдана, примет на себя пулю, летящую в сердце, и спасет его от смерти. Как партбилет в кармане у солдата времен последней войны.

– Вы говорите о войне с фашистами?

– Да, во времена моего детства это была практически единственная тема, о которой говорили, спорили, и даже показывали в кино.

– К сожалению, я эти времена не застала, в детстве мы говорили уже совсем о других вещах.

– А сколько вам лет, Анастасия?

– Двадцать один.

– Вы где-нибудь учились?

– Да, я закончила университет в Ивано-Франковске по специальности библиотечное дело.

– Выходит, ваша специальность вам пригодилась, и вы не зря потратили на учебу свое время.

– Да, я очень горжусь тем, что помогаю революции, и собираю книги для библиотеки Майдана.

– А вы никогда не стояли на баррикадах со знаменем революции в руках?

– Ну что вы, меня здесь все оберегают, и не позволяют даже близко приближаться к баррикадам. На баррикадах находятся в основном мужчины, а мы, женщины, помогаем в тылу всем, чем можем. Перевязываем раненых, закрываем глаза убитым, или собираем книги для библиотеки Майдана.

– Так вы не возражаете, если я пошлю вам свои книги?

– Конечно, не возражаю. Но будьте осторожны, и не забывайте, что мы с вами находимся по разные стороны баррикад. Послав книги для библиотеки Майдана, вы автоматически станете врагом для своих соотечественников.

– Я не верю в это, – искренне ответил я ей, – литература интернациональна, она живет по своим законам, которые выше нелепых разделений на своих и чужих.

– И все же не забывайте о моем предостережении, и будьте осторожны. Не афишируйте нигде, что вы послали нам свои книги. Сделайте это тихо и незаметно. Посылайте их на адрес киевского Дома профсоюзов, там на первом этаже в холле находится наша библиотека. А вообще-то, я очень рада, что нашелся русский писатель, который не побоялся послать нам книги, и сегодня же расскажу об этом своим друзьям.

- Спасибо, Анастасия, берегите себя, и не подходите близко к тем местам, где стреляют.
- У нас стреляют везде, – со смехом отвечала она, – но все же я последую вашему совету.
- Я перезвоню вам, Анастасия!
- Я буду ждать вашего звонка, Сергей!

Вот и все, больше мы с ней никогда не говорили. Потому что вскоре сгорел Дом профсоюзов со всей библиотекой Майдана, а вместе с ней и мои книги, которые туда все же дошли. Я часто задавал себе вопрос: была ли хотя бы капля моей вины в том, что случилось, и не могли ли мои несколько книг хоть как-то повлиять на это трагическое событие? Но сколько я не задавался этим вопросом, я так и не смог на него до конца ответить. Однако то, что вместе с моими собственными книгами в Доме профсоюзов сгорела и часть меня самого, нет никакого сомнения. Да, а я еще не сказал, что вместе с библиотекой Майдана в Доме профсоюзов сгорела и Анастасия?

Впрочем, шагая в тот же день по залитым солнцем улицам зимней Алушты, я еще не мог знать об этом. Я был окрылен только что закончившимся разговором, собрал впопыхах несколько своих книг, все по несколько экземпляров, подписал одну из них Анастасии, остальные библиотеке, поскорее оделся, и вышел на улицу. Февральская Алушта была наполнена ранней весной, яркое солнце и легкий морской бриз вселяли надежду на будущее, а в сумке, которую я нес в руке, лежали два мои новых романа и две книги сказок. Для взрослых и для детей. И романы, и сказки должны были понравиться тем, кто их будет читать, я нисколько не сомневался в этом, ведь до сих пор они нравились очень многим. Я так замечтался, что не заметил, как подошел к дверям почты. На лицах тех, кто принимал посылку, было написано легкое недоумение. Если бы я был внимателен, я бы понял, что, посылая книги в библиотеку Майдана, я автоматически становлюсь своим среди чужих, и чужим среди своих. Так же, как говорила об этом она. Но в тот момент я предпочитал не думать об этом. О том же, что вместе с моими книгами в грядущем пожаре сгорела и Анастасия, я, кажется, уже говорил.

3. Книги

Когда сжигают книги Шекспира, Сервантеса, Гомера, или Гёте, всегда можно сказать, что по большому счету в этом нет ничего страшного. Что времена мракобесия пройдут, люди осудят средневековое варварство, и книги классиков вновь вернутся на книжные полки. Ибо классика бессмертна, и сжечь ее невозможно. Но когда сжигают твои собственные книги, пусть и достаточно известные, дело принимает совсем другой оборот. А вдруг среди сожженных книг была твоя последняя книга, и, уничтожив ее, варвары тем самым нанесли тебе непоправимый урон. Нанесли непоправимую рану. Хорошо еще, если от книги осталась рукопись, и ты сможешь вновь восстановить ее, с трудом расшифровывая собственные записи, сделанные впопыхах по ночам не то при свете свечи, не то современной настольной лампы. Утраченную книгу вообще восстановить очень сложно, а до последней буквы и запятой восстановить практически невозможно. Восстанавливая утраченную книгу, ты теряешь следующую, которую мог бы написать за то же самое время. А если вместе с уничтоженной книгой уничтожают и тебя, ее автора, книга вообще будет потеряна навсегда. То есть какое-то время люди будут помнить, что она была написана, и написана, кажется, хорошо, потом о ней начнут постепенно забывать, а спустя несколько лет наступит момент, когда о ней не будет помнить никто. Книга умирает не в тот момент, когда ее жгут на костре, а когда о ней перестают помнить. В этот момент она умирает окончательно, как будто ее никогда никто не писал. Как будто никто никогда не вдохновлялся великими подвигами, не испытывал лишений и бедствий, не отказывался от самого дорогого, иногда даже от друзей, жены и детей, но все же дожидался момента, когда ставил последнюю точку в рукописи, а потом и держал в руках готовую, пахнущую типографской краской, книгу. Если кто-нибудь думает, что это высший миг в жизни писателя, миг ликования и победы, то он глубоко заблуждается. Это миг страшной опустошенности и утраты, миг полного изнеможения, а иногда даже и нежелания продолжать жить на этом свете. То, что Ницше называл сумерками богов. Ты был богом, творя свою книгу, и ты стал никем, закончив ее. Впрочем, это тонкости, которые не должны никого занимать. Личная жизнь и судьба писателя – это его личная жизнь и судьба, и никому не следует совать в нее свой любопытный нос.

После того, как во время пожара сгорела библиотека Майдана, а вместе с ней сгорели и мои собственные книги вместе с приютившей их Анастасией, я какое-то время был сам не свой. Я был потрясен этим пожаром настолько, что не находил себе места, и не обращал внимания на события, происходившие вокруг. То я начинал винить себя в том, что это я виноват в пожаре киевского Дома профсоюзов, в котором погибло не менее сотни людей. Что, не пошли я туда свои книги, все могло быть совершенно иначе, и никакого пожара вообще не было. Что, возможно, мои книги, мои романы и сказки были для кого-то настолько опасны, что их специально сожгли, а вместе с ними сожгли Анастасию и других находящихся рядом людей. Что, возможно, я стал таким большим классиком, что пришла пора сжигать мои книги, и их действительно стали сжигать. Но, какое-то время воображая, что это так, я вдруг приходил в себя, и начинал смеяться себе в лицо. Я обвинял себя в непомерной гордыне, в тщеславии и в чудовищном самомнении, я смеялся над собой, и говорил, что мои книги ничтожны, и вообще никому не нужны. Что я жалкий литературный червь, корпящий с утра до вечера за письменным столом неизвестно зачем, никому ненужный и совершенно безвестный. Так я кидался из стороны в сторону между этими двумя полюсами, то виня себя в гибели библиотеки и Анастасии, то говоря, что книги мои ничтожны, и никто из бойцов Майдана даже не захотел взять их в руки. Как-то, промучившись такими раздумьями почти до утра, я неожиданно заснул прямо за письменным столом, и увидел странный сон. Я был один внутри сгоревшего Дома профсоюзов, вокруг были они лишь почерневшие стены да горы обугленных обломков, а спереди по длинному темному коридору шла навстречу мне Анастасия. Я сразу же понял, что это именно

она, понял потому, что она была необыкновенно прекрасна, была именно такой, какой я ее себе представлял. Она была одета в прозрачные невесомые одежды, совсем не скрывавшие ее прекрасного белого тела, а над головой ее и вокруг всей фигуры стояло еле заметное призрачное сияние.

– Здравствуй, Анастасия, – сказал я ей, – откуда ты здесь появилась?

– Оттуда, – кивнула она в сторону, из которой шла мне навстречу, – из библиотеки Майдана, которая находится здесь же, на первом этаже здания.

– А разве библиотека Майдана не сгорела вместе со всем этим зданием, и теми людьми, которые в нем находились?

– Конечно, нет, библиотека не может сгореть, и тебе, как писателю, это должно быть известно лучше других. Могут сгореть дома и люди, находящиеся в них, но книги сгореть не могут. Тебе, как писателю, должно быть известно это в первую очередь. Ведь ты же знаешь, что ни рукописи, ни книги в огне не горят.

– Да, я знаю это, – ответил я ей. – Веди меня скорее к библиотеке и к моим книгам, которые находятся в ней!

– Хорошо, пойдем, – сказала она, беря меня за руку, и поворачивая по коридору назад, – ты сам сейчас убедишься, что все именно так.

Мы повернули в ту сторону, откуда она пришла, и вышли в просторный холл, находящийся на первом этаже Дома профсоюзов. Здесь не было никаких следов бушевавшего недавно огня, вокруг стояли длинные стеллажи, наполненные книгами, а рядом на креслах и стульях сидели одетые в камуфляж люди, держащие каждый в руках какую-нибудь раскрытую книгу.

– Вот видишь, – со смехом сказала Анастасия, – ничего не сгорело, все находится на своих местах, а бойцы в перерывах между боями читают книги, которые ты им прислал!

– Мои собственные книги?

– Да, твои собственные книги! Присмотрись хорошенько, с какой радостью и вниманием они их читают!

Я присмотрелся внимательно, и увидел, что у сидящих вокруг в разных позах людей были в руках мои собственные книги. Те самые два романа и две книги сказок, которые я и послал сюда, предварительно их подписав. Но, странное дело, люди, внимательно склонившиеся над моими книгами, и, кажется, шевелившие от усердия губами, вовсе не были настоящими людьми! Это были безжизненные манекены с блестящими лакированными лицами и такими же безжизненными и неподвижными пальцами, в которых они держали мои книги.

– Но ведь это не люди, а манекены, – страшно испугавшись, сказал я Анастасии. – А где же находятся настоящие люди?

– Настоящие люди сгорели в пожаре вместе со всеми, кто находился в этом здании, всего около ста человек. К сожалению, люди горят в огне точно так же, как дома, мебель, и другие предметы, не горят только книги.

– Неужели книги долговечнее людей?

– Намного долговечнее. Можно убить, или сжечь на костре человека, но невозможно убить, или сжечь книгу. Написанная книга практически вечна, и именно поэтому ты видишь перед собой нетронутую огнем библиотеку Майдана.

– А люди, что стало с людьми, которые читали мои и все остальные книги из этой библиотеки?

– Не волнуйся о них, они сгорели, и сейчас находятся на небесах.

– И продолжают там читать мои книги?

– И продолжают там читать твои книги!

– А есть ли моя вина в том, что случился этот страшный пожар?

– Разумеется, есть. Писатель, чью книгу жгут на костре, всегда виновен в том, что этот костер разожгли. Каждый писатель должен быть готов к тому, что его книгу когда-нибудь сожгут на костре, и что в огне этого костра могут погибнуть люди.

– Но как же мне теперь жить с этим страшным знанием?

– Живи спокойно, твоя вина хоть и существует, но не так велика, как вина тех, кто поднес спичку к костру. Живи дальше, и продолжай писать свои книги!

– А ты, что будет с тобой?

– Со мной уже ничего не будет, ибо я теперь живу в вечности, вместе с теми людьми, которые перед смертью успели прочитать твои книги!

– А это правда, они действительно перед смертью успели их прочитать?

– Конечно, правда, перед смертью вообще все делается гораздо быстрее, чем в остальные моменты жизни. Быстрее дышится, быстрее читается, и быстрее живется. Последнее мгновение перед смертью вообще равно всей будущей жизни, и поэтому у оставшихся в живых нет вообще никаких преимуществ перед теми, кто умерли. Все находятся в одинаковом положении, но это большой секрет, и ты его никому не рассказывай!

– Хорошо, Анастасия, не буду. Скажи, мы с тобой еще когда-нибудь встретимся?

– В этой жизни нет, но не забывай, что еще существует и жизнь вечная!

– А там все точно так же, как в жизни земной?

– Умрешь, тогда и узнаешь, – с печальной улыбкой сказала она, сделала прощальный знак рукой, и исчезла.

Этот сон, который я запомнил до мельчайших подробностей, что тоже само по себе было очень странно, еще больше выбил меня из колеи, и я, кажется, пропустил много не менее удивительных событий, которые происходили вокруг. Но, согласитесь, человеку не под силу обращать внимание сразу на все.

4. Жертвоприношение

По какой-то странной случайности, а быть может, по злему року, за каждой моей книгой обязательно стояла женщина. Это происходило в неявной форме, очень часто не совпадало по времени, как в случае с Анастасией, которая, совершенно очевидно, погибла именно потому, что я написал свои книги, посланные в библиотеку Майдана, но это было именно так. За самой первой моей книгой тоже стояла женщина с не менее красивым именем, чем имя той, которая погибла в страшном огне. Устав писать рассказ за рассказом, и время от времени печатать их в одном известном московском издательстве, а также в московских журналах, я решил издать их целиком в виде отдельной книги. В моем московском издательстве стояла очередь на многие годы вперед из желающих заполучить наконец свой собственный, заветный томик рассказов и повестей, и поэтому я решил идти совершенно другим путем. В стране началась перестройка, рушилась мировая империя, от нее откалывались целые обломки, все вокруг умирало и рождалось заново, никто ничего не понимал, и одновременно надеялся на какое-то чудо. В этих условиях можно было за день, или за месяц, сделать то, на что раньше ушли бы целые годы. Это относилось и к изданию собственной книги. У меня в то время совершенно чудесным и малообъяснимым путем появились приличные деньги, и мне нужен был лишь консультант, или надежный друг, который бы нашел издателя, согласного выпустить мою книгу. И точно таким же чудесным образом такой консультант и такой друг моментально нашелся. Ее звали Инесса, она была внучкой испанского эмигранта, бежавшего из своей страны от режима Франко, и навсегда осевшего в снежной России. Я не решаюсь здесь приводить ее фамилию, настолько мелодичную и красивую, что в сочетании с уже упомянутым мною именем она просто кружила голову и рождала странные и не всегда приличные фантазии. Впрочем, она не была красавицей, скорее наоборот, но мы с ней довольно быстро сошлись, и между нами возникло нечто вроде недолгой дружбы. Если вообще возможна дружба между мужчиной и женщиной. Она совсем не заботилась о своей внешности, ходила в каком-то умопомрачительном полушубке, сшитом из неизвестного науке существа, писала рассказы из жизни революционеров, занималась йогой, пила по часам воду из чайника, и вообще производила впечатление чего-то невиданного, неслыханного и невозможного. Все это меня чрезвычайно устраивало, поскольку с ней все было очень просто, не надо было заигрывать и говорить комплименты, в том числе и комплименты по поводу достоинства ее революционных рассказов, а в сочетании с ее необыкновенной информированностью она вообще была вне конкуренции. Она жила на самом последнем этаже высотки на восточной окраине Москвы рядом с усадьбой Кусково, куда сразу же потащила меня, рассказывая, что именно здесь прошло ее детство. Здесь какое-то время работал в некоем тайном центре ее революционный дедушка, в память о котором она писала свои революционные рассказы и повести. Дедушка вообще не только дал ей звучную испанскую фамилию, но и закодировал ее на всю оставшуюся жизнь, ибо теперь ни о чем другом, кроме как о революции, она писать не могла. Мы условились, что за мои деньги издадим две книги: ее и мою, – а после их реализации на Арбате, которая, конечно же, пройдет успешно, она вернет мне все. Она, кроме того, вызвалась сделать рисунки к моим рассказам, и это еще больше сблизило нас. Квартира ее на уже упоминавшемся последнем этаже высотки рядом с усадьбой Кусково вся сплошь была заставлена бочонками и кадками с вечнозелеными растениями, у подножия одного из которых на старом матрасе и была устроена моя импровизированная постель. Я в те времена был не менее экзотическим существом, чем она, если и не внешне, то по крайней мере внутренне, и нет ничего странного, что произошло то, что и должно было произойти. Или не произошло, я уже точно не помню. К тому времени, как обе наши книги были готовы, и мы начали продавать их на Арбате, произошло многое, о чем опять же мне рассказывать неинтересно. Мы с ней были слишком разные, и жили в совершенно разных мирах, которые

соединить было нельзя. Она не могла предать память революционного дедушки, и смотрела на мир глазами бойца интернациональных бригад, деля весь мир на белое и черное, на своих и чужих, на тех, кого надо поставить к стенке, и тех, кого ставить туда не надо. В ней был заложен первоначальный надрыв и неизбежная трагедия, которая лишь до времени сдерживалась всей этой ее экзотичностью и непохожестью на других. Но то, что душа ее вошла в мою книгу, и осталась в ней навсегда, было несомненно. Она создала к этой книге довольно талантливые иллюстрации, научила меня пить воду из чайника и выполнять йоговские упражнения, показала свои тайные и заповедные убежища в усадьбе Кусково, и даже, кажется, сделала на время участником далеких испанских интербригад. Мы какое-то время довольно успешно торговали на Арбате двумя нашими книгами, деньги от которых так же успешно вместе потратили. Но с каждым днем становилось все очевидней, что мы все же настолько разные, что кроме совместной издательской деятельности нас не сближает практически ничего. Я уехал, унося с собой книгу, в которой навечно теперь жила ее душа. А еще чрез некоторое время мне сообщили, что она умерла. Я не был на ее похоронах, и впоследствии не посещал ее могилу, потому что боялся тех ответов и тех вопросов, которые при этом неизбежно возникнут. Я боялся обвинений самого себя в том, что это именно я виноват в ее смерти. Что, вложив душу в мою книгу, она одновременно и потеряла часть своей собственной души. Что моя книга, как некое варварское божество, потребовало положенную ему жертву, и что такой жертвой была Инесса. Разумеется, все это было притянуто за уши, все это были лишь мои собственные фантазии, плоды моего больного писательского воображения, но я до сих пор уверен, что каждая книга, как языческий монстр, требует, чтобы ей принесли необходимую жертву. Это не всем понятно и не всем видно, сам выход книги и принесенная ей жертва могут не совпадать во времени, но я по-прежнему уверен, что это именно так. Глядя на библиотеки, забитые от пола до потолка тысячами и миллионами изданных в разное время книг, я теперь невольно представляю себе те бесконечные гекатомбы, те кровавые дары, те горы трупов, которые незримо громоздятся рядом с этими библиотеками, и беззвучно взывают к возмездию. Кто его знает, быть может, книгопечатание есть величайшее зло в истории человечества, и без него все на земле было бы не так кроваво и не так плохо.

5. АВТОНОМИЯ

Я, кажется, определенно становлюсь крымско-татарским идеологом. Мой издатель совершенно не понимает элементарных вещей, и это при том, что входит в руководство Меджлиса.

– Султан Ахметович, – говорю ему я, – вам нельзя оставаться в составе России, вы должны всеми силами держаться за Украину.

– Но почему? – искренне недоумевает он, – что плохого в том, что крымско-татарский народ вместе со всем Крымом станет частью России?

– Плохого в этом ничего нет, я сам хочу стать частью России. Но вы ведь хотите автономии, разве не так?

– Да, – отвечает он мне, – мы хотим крымско-татарской автономии на территории всего полуострова.

– Вы никогда не получите такую автономию, если Крым станет частью России. Поверьте мне, как русскому человеку, это невозможно ни сейчас, ни через год, ни через тысячу лет. Татарам в России никогда не дадут автономию, в Украине дадут, а в России не дадут ни за что.

– Но почему?

– Да потому, что для русского уха слово «татарин» звучит хуже, чем слово «фашист». Нет более страшного и ужасного слова для русского уха, чем слово «татарин». Четыреста лет татарского рабства навсегда впечатали в кровь, плоть и мозг русского человека недоверие к татарам. И уже совершенно не важно, что крымские татары – это совсем другие татары, а вовсе не те, которые разоряли и поработали Русь на долгие четыре столетия. Это совершенно никого не волнует, и с этим никто всерьез не подумает разобраться. Да, разумеется, вы коренной крымский народ, и вы заслуживаете своей автономии. Но дело в том, что вы татары, а не марсиане, или, к примеру, жители Альфа Центавра. Меняйте свое название, будьте не татарами, а марсианами, и вам с радостью дадут автономию в составе России!

– Неужели все настолько серьезно? – искренне удивляется он.

– Чрезвычайно серьезно. Так серьезно, что больше уже не бывает. Вы ведь видите, какие события происходят вокруг. В Киеве Майдан, Янукович бежал, а в Симферополе в центре города посреди дня жгут книги. Может случиться все, что угодно, и лично я эти перемены только приветствую. За исключением сжигания книг, разумеется. Я писатель, и чем больше вокруг произойдет событий, тем легче мне будет описать их в очередном романе. Для меня главное – это русский язык, и его отнять у меня не в силах никто. А для вас, для народа, главное – это земля. Я воюю за язык, а вы воюете за землю, в этом наше с вами различие. Я сегодня живу здесь, а завтра, если условия жизни станут невыносимыми, могу уехать, куда угодно. А целый народ со своей земли уехать не может, разве что если его не депортируют в Среднюю Азию за двадцать четыре часа.

– За сорок восемь часов, – отвечает он мне, – в сорок четвертом нас депортировали отсюда за сорок восемь часов.

– Сорок восемь, или двадцать четыре, это не суть важно. Важно то, что если вы не будете в Украине, вы свою автономию никогда не получите!

– Никогда?

– Никогда, хоть через год, хоть через десять лет, хоть через сто. И всего лишь потому, что зоветесь татарами. Слова, Султан Ахметович, имеют такую власть над людьми, что сильнее и главнее этой власти вообще ничего в природе не существует. Вначале, Султан Ахметович, было слово, а уже потом все остальное. Слово главнее человека, главнее земли, и главнее жизни. Вот из-за одного-единственного слова вы и не получите никогда своей автономии.

– А вы считаете, что Крым вернется в состав России?

– Разумеется, это очевидно, и к этому давно уже все идет. Не замечают этого только очень простодушные и наивные люди.

– Так что же нам делать?

– Не знаю, Султан Ахметович, я ведь не крымский татарин, я русский писатель, и крымская автономия мне не нужна.

– Вам проще, – говорит он, – пристально глядя на меня.

– И проще, и сложнее, Султан Ахметович. Сложнее потому, что после событий, которые вскоре произойдут, придется писать новый роман, потому что если его не напишу я, его напишет кто-то другой. А я не привык отдавать пальму первенства кому-то другому.

– А если события, которые последуют вскоре, будут так страшны и так кровавы, что это перечеркнет представления людей о добре и зле?

– Представления о добре и зле давно уже перевернуты у людей с ног на голову, и в истории невозможно совершить больших злодейств, чем те, которые уже были до этого. Для отдельного человека ведь, Султан Ахметович, все равно, происходит ли конец света в масштабах всего человечества, или в масштабах его личной жизни. Поэтому хуже, чем было, навряд ли будет. Но лично для меня, как писателя, предпочтительны очень большие перемены и очень большие трагедии. Такие, к примеру, как нашествие Наполеона.

– Но почему?

– Потому что новую «Войну и мир» уже давно никто не писал, и самое время переписать все заново.

– Вы не Толстой, – быстро говорит он мне.

– Потому и не Толстой, Султан Ахметович, что нет нового Наполеона. А как появится новый Наполеон, так сразу же стану новым Толстым.

– Вы смеетесь надо мной?

– Помилуй Бог, как же можно смеяться над собственным издателем? Это только совсем сумасшедший писатель смеется над собственным издателем!

Он смотрит на меня, и не понимает, говорю ли я правду, или потешаюсь над ним. Впрочем, я и сам этого до конца не понимаю.

6. Запах свободы

Для каждого человека свобода пахнет по-своему. Для кого-то это запах горящих автомобильных покрышек на Киевском Майдане, для кого-то запах пороха и ружейного масла, для кого-то запах парижских предместий, или запах свежего ветра, дуящего в лицо освобожденного узника, уплывающего на корабле от ненавистных берегов своего долгого рабства. Возможно, что это вообще запах крови, своей, или чужой, которую пришлось пролить во имя свободы. Для меня запахом свободы навсегда стал горьковатый запах горного крымского миндаля. Горный миндаль в Крыму всегда горчит, и на этот счет есть очень хорошая крымская легенда, которую мне удалось записать. Когда Господь Бог изгнал Адама и Еву из рая, Он дал им с собой два миндальных ореха: горький и сладкий. Сладкий миндальный орех символизировал жизнь в Эдемском саду, а также жизнь в цветущих крымских долинах. Горький же – трудную жизнь в горах, среди скал и непроходимых ущелий. Населили люди со временем землю, в том числе и Крым, построили города, насадили сады, которые множество раз вырубались и сгорали в жестоких войнах, и множество раз вновь расцветали в условиях недолгого мира. Но два миндаля, отданные Богом Эдемским изгнанникам, по-прежнему символизируют сладость жизни в раю, и горький труд на земле во имя хлеба насущного.

Проведенное в Алуште детство во многом прошло под сенью миндальных деревьев. Которые были абсолютно свободны, могли расти в самых непригодных для этого местах, там, где вообще не было не только воды, но даже земли, к примеру, на каменных склонах одного из семи алуштинских холмов. Цвели они тоже, когда хотели, повергая в изумление людей абсолютной своей независимостью, и попирая какие-либо правила, существующие в природе. Они могли расцвести в декабре, когда алуштинские холмы были засыпаны недолгим и редким снегом. Могли сделать это в сентябре, или под Новый год, или уже в марте, или даже в начале апреля. Свободолюбие алуштинских миндальных деревьев, которые в одинаковой пропорции были как сладкими, так и горькими, заставило меня посадить миндальный сад под окнами своей квартиры на склоне одного из местных холмов. Собственно говоря, миндальный сад – это слишком сильно сказано. Это был десяток миндальных деревьев под моими окнами, выходящими на северную сторону просторной алуштинской долины. Скорее символ, поначалу во многом наивный, стремления к свободе, которое демонстрировали эти искривленные ветром тонкие деревца, упорно цепляющиеся за жизнь на лишенной земли скале. В каждый свой приезд в Алушту я с радостью замечал, что они выросли еще немного, действительно представляя из себя уже самый настоящий миндальный сад, посаженный моими собственными руками, который я поливал, лелеял, и оберегал от всяких опасностей. Миндальный сад горного Крыма – это не вишневый сад центральной России. В вишневом саду центральной России рождаются истории о человеке в футляре и об исчезнувшей неизвестно куда Мисюсь. В миндальном же саду горного Крыма рождаются легенды и сказки, а также романы, действие которых незримо пронизано горьким запахом синильной кислоты, которой пропитаны ядра миндальных орехов. Некоторые миндальные деревья настолько пропитываются синильной кислотой, что даже листья у них становятся ядовито-красного и синего цвета, предупреждающего птиц и людей о таящейся в плодах страшной опасности. Горный миндаль настолько одинок и свободолюбив, что его нельзя вскапывать, как многие другие деревья, поскольку у него всего лишь один, тянущийся иногда на многие десятки метров корень, который легко перерубить лопатой. Миндаль с поврежденным корнем-водососом очень долго болеет, перестает цвести, и почти наверняка погибает. Но Боже Мой, как же он красиво цветет, и как же много плодов дает даже небольшое, искривленное ветрами миндальное деревце! Мой сад на северной стороне одного из алуштинских холмов, состоящий всего лишь из десятка миндальных деревьев давал мне столько плодов, что я поначалу даже не знал, куда их всех деть. Но главное, что он давал мне вдохнове-

ние, ибо в этом саду писалось так хорошо, как не писалось больше нигде. Устав от суетной и лишенной во многом смысла жизни в Москве, я приезжал в Алушту к моему миндальному саду, и он, чувствуя заранее мое желание вернуться сюда, зацвёл именно к моему возвращению. Зацвёл, и дарил мне вдохновение, которое я не мог получить больше нигде, а чуть позже – баснословный урожай миндальных орехов, которые просто невозможно было съесть одному. Без моего миндального сада не было бы моих крымских легенд, моих волшебных сказок и моих романов. В этом саду, в который, кстати, неизвестно откуда прилетали настоящие райские птицы, без всяких преувеличений поселилась моя собственная душа.

Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря...

Наивность всегда была моим основным качеством. В мире ничего нет совершенного, в нем нет абсолюта, и невозможно считать себя свободным, сидя на одинокой голой скале, обдуваемой со всех сторон жестоким северным ветром. Невозможно считать себя свободным в окружении десятка миндальных деревьев, которые настолько пропитаны синильной кислотой, что листья их еще издали пугают птиц и людей насыщенным фиолетовым цветом. И даже если ты живешь в провинции у моря, ты все равно не найдешь себе здесь покоя. Очень скоро я выяснил, что моим миндальным садом интересуется еще кто-то помимо меня. Маленький южный провинциальный город, в котором прошло мое детство, никогда не любил свободу. Здесь никогда не поклонялись свободе, скорее наоборот, здесь всегда ненавидели все, что имело отношение к свободе. Возненавидели здесь и мой миндальный сад на одинокой скале, обдуваемой со всех сторон жестоким северным ветром. Как-то ранним утром, в час еще робкого первого рассвета, я увидел в своем саду фигуру крадущегося человека, держащего в руках большую бутылку с темной жидкостью. Это был живший неподалеку отставной морячок примерно шестидесяти лет, весь прокуренный и давно уже спившийся, балагур, циник и сплетник, от которого за версту несло перегаром. Причин любить меня у него, разумеется, не было, но подливать под мой миндаль отраву – для этого требовалось особое мужество! Или особая ненависть, а она у этого седого монстра, безусловно, была. С удивлением и ужасом смотрел я, как под мой миндаль подливают неизвестную жидкость, не в силах сдвинуться с места. Останавливать раннего гостя, или пугать его внезапным окриком не было никакого смысла, тем более, что непонятно, как долго травил он мой сад. Глядя на приземистого негодяя, седовласого старика, старательно подливающего под мои деревья отраву, я терял последние иллюзии, которые у меня еще оставались. Ты не прожил полноценную жизнь, если не родил ребенка, не построил дом, и не насадил сад на голой скале. Но будь готов к тому, что ребенка твоего убьют, дом разрушат, а сад отравят, так что он станет для тебя бесполезным. А если ты еще и писатель, будь готов к тому, что книги твои сожгут на костре. После этого я не ел миндаль, выращенный в моем саду за окном на северной стороне просторной алуштинской долины. Я оставлял миндаль нетронутым, и его до весны склевывали птицы, или орехи его падали вниз, и растаскивались по норам в изобилии живущими здесь маленькими зверьками. Если же урожай был особенно большим, так что ветви миндаля под его тяжестью могли сломаться, я собирал его, и закапывал в земле подальше от дома. Слезы текли у меня из глаз, когда видел я тщету своих многолетних трудов, а вместе со слезами истекали из них последние капли иллюзий. С тех пор я не люблю разбитных морячков с голой грудью, поросшей седым мочалом, которую прикрывает старая прорванная тельняшка. Не люблю потому, что мои книги им не нужны, поскольку они вообще ничего никогда не читали, разве что устав морской службы, или рассказ «Муму», который случайно осилили в школе. Исчезли и мои иллюзии по поводу маленьких провинциальных городов у моря, которые, якобы, спасают писателей и поэтов от ужасов тоталитарных империй. От ужасов тоталитарных империй, возможно, что-то и в силах спасти, но только не жизнь в

маленьких провинциальных городах у моря. Алушта, во всяком случае, мой город детства, от таких ужасов спасти меня не могла. Что же касается рецептов спасения от ужасов беспощадных империй, то они давно известны, и в них нет никакого секрета. Это или чаша цикуты, выпитая добровольно, или дуэль, или самоубийство, или эмиграция, или кинжал, наточенный в тишине, и вонзенный то ли в грудь, то ли в спину диктатора. Или, если ты умеешь писать, очередная книга, которая на время может спасти тебя от всего перечисленного.

В отравленном саду, на мглистом побережье,
Я собирал плоды, похожие на кровь...

7. Ветер

Алушта, как Рим, как Константинополь, и как Москва, стоит на семи холмах. Холм, на котором находится мой дом, носит название Орлиной горы. Хотя настоящие горы там, впереди, в самом конце просторной алуштинской долины. Прямо впереди перед моими окнами находится красавица Демерджи. Это самая красивая гора Крыма, да и, очевидно, не только его. Увенчанная двумя острыми зубцами, словно рожками, посередине которых находится север, она постоянно окутана шапкой туманных, словно бы курящихся, облаков. За что в старину и носила имя Фуна, что означает дымящаяся, курящаяся. Левее Демерджи раскинул свой огромный столовый шатер суровый Чатыр-Даг. А посередине их, рядом с перевалом, поднимается лишенный растительности Лысый Иван, или Лысый Череп, как его называют в народе. Левее Чатыр-Дага поднимает свои полуразмытые далекие вершины седой Бабуган, но его из моего окна не видно. То, что видно из моего окна, это Демерджи, Лысый Иван, и Чатыр-Даг. Погоду в алуштинской долине, где совершенно не действуют законы физики, определяет вечное противостояние, и даже вечная борьба Демерджи и Чатыр-Дага. Можно даже сказать, что извечная вражда двух гор, зародившаяся так давно, что, скорее всего, было это в самом начале времен. Согласно одной из крымских легенд, также записанной мной, Демерджи вовсе не гора, а древний дракон, хранитель несметных сокровищ, спрятанных в ее каменных недрах. Когда-то, говорит эта легенда, в самом начале времен, на земле властвовало могущественное племя драконов, ведущее меду собой бесконечные войны из-за несметных сокровищ, спрятанных в огромных кованых сундуках. Люди в те далекие времена не значили ничего, они лишь со страхом наблюдали за утренними, дневными и вечерними схватками драконов, происходивших в небе над их головами. Во время одной из таких битв смертельно раненый дракон, держащий в лапах огромный сундук с сокровищами, опустился на севере просторной алуштинской долины, и принял вид красивой рогатой горы. Тысячелетия лежит он здесь, залечивая свои раны, в надежде вновь набраться сил, и взлететь в сине бездонное небо. Лежит, и зорко стережет бесценные сокровища, скрытые в его каменном чреве. Каждого, кто осмелится искать эти сокровища, он обращает в каменное изваяние, которых на южном склоне Демерджи скопились уже тысячи. Место это называется Долиной Привидений, здесь на каждом шагу стоят огромные каменные столбы, похожие на окаменевших людей, а также на сказочных персонажей – все, что осталось от охотников за несметными сокровищами. Иногда на склонах Демерджи происходят обвалы, погребаяющие под собой целые деревни, лежащие внизу. Один из таких обвалов произошел сто лет назад, полностью засыпав находившуюся внизу татарскую деревушку. Обвалами и превращением в каменные изваяния защищается древний дракон-Демерджи от желающих раскрыть его тайну. Но не люди являются соперниками древнего окаменевшего дракона. Люди – это ничто, это букашки перед его несокрушимой каменной мощью. Главным соперником Демерджи является огромный столовый Чатыр-Даг, который один и может дать достойный отпор окаменевшему тысячи лет назад дракону. Чатыр-Даг настолько серьезен и настолько суров, что его можно считать царем гор в обширной алуштинской долине. Бабуган не в счет, он словно стоит в стороне, наблюдает, и не вмешивается в вечное противостояние Демерджи и Чатыр-Дага. Лысый Иван, разумеется, также не в счет, как не в счет и миниатюрный Кагель. Возможно, в извечную войну Демерджи и Чатыр-Дага мог бы вмешаться Аю-Даг, знаменитая Медведь-Гора, но Аю-Даг слишком поглощен своей известностью и своей славой пьющего вечно воду из Черного моря медведя, и ему некогда вмешиваться в спор двух крымских гор. Он находится в самом центре Южного берега Крыма, и всецело поглощен вниманием туристов, писателей, художников и поэтов, восхищенных его славой и его преданиями. Поэтому ничто в алуштинской долине не мешает извечной борьбе двух главных здесь гор, от которых всецело зависит местная погода и местный климат.

С Чатыр-Дагом связана не менее красивая легенда, чем с рогатой Демерджи. Это – легенда о Владыке Чатыр-Дага, который живет в глубоких пещерах внутри этой горы, и является настоящим ее хозяином. Разумеется, он также владеет сокровищами, которыми полны все эти пещеры, изукрашенные так, как не изукрашены самые роскошные дворцы земли. Жестокая и непрерывная война Владыки Чатыр-Дага и раненого в незапамятные времена дракона приводит к тому, что погоды в привычном смысле слова в Алуште не существует. Погода здесь повергает в недоумение и в ужас синоптиков, которые ничего не могут спрогнозировать даже на час вперед. Погоду в Алуште постоянно лихорадит, и эта перманентная лихорадка длится веками, и даже тысячелетиями. Демерджи насылает на Алушту непрерывный северный ветер, который выпускает из своей пасти окаменевший дракон, и этот ветер пронизывает здесь буквально все. Он проникает через окна и через тщательно закрытые двери, пробираясь, кажется, даже в души людей, и замораживая в них последние иллюзии и надежды. Северный ветер с Демерджи настолько достает здесь всех, что татары даже дали Алуште еще одно имя – «Сквозняк». Но владыка Чатыр-Дага не был бы настоящим хозяином подземных пустот и пещер, если бы не имел в запасе нечто, способное противостоять постоянному ветру с Демерджи. Из глубины своих пещер и гротов поднимает он на поверхность пугающие химеры, похожие на червяков, змей, улиток, жаб, отвратительных слизняков, гигантских бабочек, морских коньков и огненных птиц, которые угрожающе качаются над его вершиной ветренными ненастными днями. Качаются, и пугают древнего окаменевшего дракона, у которого, кроме его вечного северного ветра, а также обвалов, ничего в запасе не существует. О том, что химеры Чатыр-Дага пугают живущих в алуштинской долине людей, нечего и говорить. Люди здесь не в счет, на людей здесь никто не обращает внимания. Люди тут могут или сходить с ума, видя в небесах бесчисленные полчища висящих над Чатыр-Дагом химер, или пить с утра до вечера, или кончать с собой от непрерывного ужаса, выдержать который человек не в силах. Некоторым удается отсюда бежать, но те, что остаются, вынуждены быть свидетелями вечной войны двух крымских гор, которая началась в незапамятные времена, и не кончится уже никогда. И если для писателя стоящие над Чатыр-Дагом отвратительные и фантастические химеры являются настоящим подарком, ибо служат пищей для рождения новых идей и новых сюжетов, а также новых легенд, то бесконечный северный ветер с Демерджи способен в итоге лишить тебя равновесия. Главное, это не поддаваться ему, не сидеть на месте, и пытаться постоянно выходить из квартиры, совершая обходы местных окрестностей. И тогда изматывающий тебя сквозняк на время превращается в ветер с гор, который бодрит, и даже вселяет надежду. Ветер с гор, который никогда не кончается, потому что никогда не кончается война Демерджи и Чатыр-Дага.

8. Русская Весна

Рев, грохот и шум раздаются на улицах. Огромная колонная мотоциклистов въезжает в Алушту, наполняя ее страхом, ужасом и любопытством. Удивительные, черные, неподвижные, они, кажется навсегда срослись со своими хромированными чудовищами, превратившись в современных кентавров, у которых вместо копыт бешено вращающиеся колеса, несущие их вперед к неизвестно какой цели.

«Ночные волки!», «Ночные волки!» – раздается то тут, то там, сначала со страхом, а потом и с надеждой.

Колонна одетых в черную кожу мотоциклистов направляется к центральной площади города, и там сразу же начинается митинг. Говорят о русском мире, и о переменах, которые вскоре наступят. Потом запускают вверх несколько ракет, садятся на мотоциклы, и уезжают, а взбудораженный город еще несколько дней не может прийти в себя. Но перемены определенно висят в воздухе, и странные черные люди на хромированных ревущих чудовищах, безусловно, приезжали сюда не напрасно.

Через несколько дней неизвестные захватывают Дом правительства в Симферополе, и теперь уже никто не сомневается, что перемены действительно пришли на крымскую землю. Говорят о странных вежливых людях, одетых в камуфляжную форму, держащих в руках автоматы, которые непонятно откуда появились в большом количестве, придя на смену старой украинской власти. В Алуште, правда, их нет, здесь все спокойно, но знакомые, побывавшие в Симферополе, рассказывают, что они там на каждом углу. Вот и перемены, вот и конец старому режиму, который рушится на глазах, уступая дорогу русскому миру. Украинские военные части, находящиеся в Крыму, не сопротивляются, и сдаются без боя. Что это: переворот, революция, или нечто иное, чему пока невозможно дать точного определения? На душе тревожно и смутно, будущее неясно, но то, что все произошедшее не случайно, в этом нет никакого сомнения. Перемены висели в воздухе очень давно, в переменах нуждались все: и люди, и политики, и природа, и, кажется, само измученное ожиданием мироздание. В Киеве вслед за Майданом и бегством Януковича к власти пришло новое правительство, которое в России называют фашистским. А в Крыму одетые в камуфляж вежливые люди с автоматами в руках принесли идею русского мира, который вскоре узаконят с помощью референдума.

А вот, наконец, и сам референдум, который, как и все остальные события последнего времени, прошел организованно и без всяких эксцессов. Крымчане в подавляющем большинстве высказались за присоединение к России, и Россия с радостью приняла их в свое материнское лоно. Прощай, Украина, твои идеалы и твой язык оказались ненужными большинству жителей крымских городов и местечек. То ли навсегда, то ли на время, сейчас об этом сказать невозможно.

В Алуште у здания мэрии начинается праздничный митинг в честь только что закончившегося референдума. Народ ликует, у многих на глазах слезы счастья, кто-то играет на баяне, кто-то пытается выступить с речью, которую все равно не слышно из-за общего шума. Смена режима всегда вызывает у людей воодушевление и слезы счастья. Я уверен, что если бы сейчас в Алуште появились русские танки, их встречали бы цветами и хлебом-солью, а девушки почли бы за честь отдаться brave танкистам, одетым в черные шлемы, и с улыбками на открытых мальчишеских лицах. Мне рассказывал один алуштинский краевед, уже, к сожалению, покойный, переживший немецкую оккупацию, что когда в город вступили танки Манштейна, благодарные алуштинцы встречали их цветами и хлебом-солью. По поводу того, отдавались ли местные девушки brave немецким танкистам, старый краевед, к сожалению, ничего не сказал. Думаю, что отдавались, девушки всегда готовы отдаться освободителям, ибо давно мечтают о сказочном принце, который приедет из дальней страны, и увезет их в сияющую и прекрас-

ную неизвестность. В этом, собственно говоря, и заключается девичья философия, которая не меняется в течении тысячелетий.

На следующее утро после референдума я подхожу к мусорным бакам, стоящим в конце детской площадки. Народ, как всегда, избавляется от всякого хлама, но сегодня здесь определенно есть что-то новенькое. Пару стопок аккуратно перевязанных бечевкой книг, почти все художественные, и почти все на русском языке. Венчает же все это великолепие толстенный пудовый том Белинского, который для меня дороже всех остальных находок сегодняшнего утра. Что это: желание избавиться от воспоминаний прошлого, в надежде, что новая жизнь принесет с собой какие-то невиданные перемены? Но зачем тогда тащить на помойку романы, изданные на русском языке? Помойка в центре двора, вообще-то, регулярно снабжает меня книгами, сюда тащат и Библию, и русских классиков, и шедевры западной литературы. Но сегодняшний обильный урожай просто поражает воображение. Тут и Маркес, и Борхес, и Хемингуэй, и отечественные Толстой с Достоевским, без которых не обойтись ни на одной русской помойке. То ли потому, что их так много издано, то ли потому, что их так сильно любят в России. Кого любят, того и выкидывают на помойку. Да и Бог с ними, с Толстым и Достоевским, они не пропадут, они люди известные, но зачем тащить на помойку Библию? Раньше, во времена Советского Союза, достать Библию было практически невозможно, и мои интеллигентные друзья считали меня богачом, поскольку я где-то достал старое, зачитанное, и местами поеденное шашелем Евангелие. Евангелие я давал читать под расписку и со страшной клятвой обязательно вернуть его мне, поскольку хорошо знал своих интеллигентных друзей, которые никогда не возвращали ни деньги, ни книги. Евангелие это у меня в конце концов увели, к этому шло давно, причем друг-интеллигент, который его умыкнул, клялся мамой, что он здесь ни при чем. В России все клянутся мамой, и бандиты, и интеллигенты, и это лишний раз доказывает, что грань между ними здесь очень тонкая, и перейти ее бывает очень легко.

На фоне всех этих событий как-то незаметно приходит май с его почти неизбежной туманной дымкой, которая зловеще, как рок и как морок, наползает на берег из холодного весеннего моря. Весна в Алуште – это самое страшное время, время всеобщей паники и всеобщих тревог, независимо от того, какой режим сейчас на дворе. То ли это войска князя Владимира проходят Южным берегом Крыма по направлению к Херсонесу, сжигая все на своем пути. То ли монгольские завоеватели, делающие то же самое, пускающие стрелы в детей и женщин. То ли солдаты Суворова, готовящие почву для визита в Крым Екатерины Великой. То ли войска Кутузова, раненого в глаз недалеко от Алушты. То ли Белая Армия, принимающая из рук алуштинских девушек подносы с хлебом и солью. То ли Красная Армия, принимающая из тех же рук те же подносы. То ли уже упоминавшиеся танкисты Манштейна. То ли сменившие их через четыре года танкисты русские. То ли одетые в камуфляж вежливые люди с автоматами в руках, вернувшие сюда русский мир. Далее, как говорится, везде, пока вообще стоит этот мир, и не наступил еще конец света. Но плотная туманная дымка, с неизбежностью в мае выползающая из холодного моря, для многих как раз и является таким концом света. Дымка эта заполняет город плотной туманной массой, проникает в ноздри, в горло, в трахеи, в легкие, и, кажется, под саму черепную коробку. Во время этой страшной дымки в городе резко увеличивается количество самоубийств, разводов, измен, безумств, и самых странных поступков, на которые в обычное время человек не способен. Пережить дымку можно только тремя способами: или начать пить, или бежать в горы, или сесть, и писать новый роман. Я, кажется, выбираю последний.

9. Допрос

– Скажите, вы посылали свои книги на киевский Майдан? – спросил у меня прокурор. Визит в прокуратуру явился для меня полной неожиданностью. Мне просто позвонил приятный женский голос, и попросил зайти для решения какого-то незначительного вопроса.

– Да, – ответил я, – посылал, – а почему вы об этом спрашиваете?

– Да потому, – сказал мне прокурор, – что посылать книги врагу означает совершить очень тяжкое преступление. Вы можете отвечать за него по закону.

– Простите, но о каком враге идет речь? – ответил я на эту угрозу. – Разве киевские студенты, которые защищают свою свободу, являются чьими-то врагами?

– Конечно, – пристально глядя мне в глаза, сказал прокурор, – они являются врагами законной киевской власти.

– Если вы имеете в виду Януковича, то у него уже нет никакой власти, он позорно бежал, прихватив с собой награбленные миллионы. В Киеве сейчас новая власть, и она теперь абсолютно законна!

– Вы называете законной фашистскую хунту, которая захватила власть в Украине?

– В Украине нет никакой фашистской хунты, это все выдумки недалеких людей, которые привыкли мыслить прошлыми стереотипами. В Украине произошла демократическая революция, и к власти пришел революционный народ, который изгнал проворовавшегося диктатора!

– Вы говорите очень опасные вещи, – все так же пристально глядя мне в глаза, сказал прокурор. – Вы что, симпатизируете киевскому Майдану?

– Разумеется, симпатизирую. Киевский Майдан – это образец демократической революции, на которую надо равняться, посвящать ей стихи, снимать о ней кинофильмы, и описывать в новых романах. Так же, как это множество раз делали с французской революцией. Для меня киевский Майдан – это самое яркое событие последних ста лет, и я, как писатель, обязательно посвящу ему свой новый роман!

– Вы что, не любите свою родину?

– Какую родину?

– Разумеется, Россию, какую же еще?

– Конечно, люблю, но при чем здесь события на Украине, и при чем здесь киевский Майдан?

– А разве вы не понимаете, что события на Майдане есть прямой вызов России? Разве вы не понимаете, что, поддерживая Майдан, и поддерживая киевскую хунту, вы бросаете прямой вызов России? А если говорить откровенно, то предаете Россию?

Я наконец-то поднял глаза, и впервые в упор посмотрел на допрашивающего меня прокурора. Это был одетый в безукоризненный костюм чиновник с неопределенным лицом, на котором не отражались никакие эмоции. Он говорил шаблонные, давно уже ставшие банальными, фразы, которые заранее можно было в любом количестве найти в передовицах разных газет. Он говорил то, что должен был говорить, но в словах его звучали явные нотки угрозы. Впрочем, я тоже говорил то, что должен был говорить, не понимая еще всей опасности такого откровенного разговора.

– Я не могу предать Россию, посылая книги в библиотеку киевского Майдана. Здесь нет никакого предательства, писатель должен общаться с людьми, без этого сама бы писательская деятельность была бессмысленной. Я пишу свои сказки и свои романы для того, чтобы их читали люди. Кстати, мне говорила девушка-библиотекарь, которой я посылал свои книги, что после Майдана их отправят в сельские школьные библиотеки. Разве писатель предает свою родину, отдавая книги в школьные библиотеки?

– Не играйте словами, на Майдане были не школьники, а вооруженные бандиты, они стреляли в украинских милиционеров!

– Которые, в свою очередь, стреляли в них. Это революция, там всегда кто-то в кого-то стреляет. Революция всегда разделяет людей на два лагеря: на тех, кто находится по одну сторону баррикад, и на тех, кто находится по другую их сторону!

– И по какую же сторону находится ваша девушка-библиотекарь?

– К сожалению, уже ни по какую. Она погибла в пожаре Дома профсоюзов, и находится теперь в совсем другом месте.

– А где находятся теперь ваши книги?

– Мои книги, к сожалению, нигде не находятся, они сгорели в том же самом пожаре. Мне теперь придется посылать в Киев новые книги.

– Я вас официально предупреждаю, чтобы вы не делали этого!

– Но почему?

– Потому, что, посылая книги фашистской хунте, вы дискредитируете Россию, свою родину, которая позволила вам стать писателем. Вы ведь стали не шахтером, не грузчиком, и не токарем на заводе, а русским писателем, и не можете отсылать свои книги кому угодно. Вы должны отсылать их лишь в те места, в которые позволит вам ваша родина. Вы не можете дискредитировать свою родину безответственными поступками. Фашистская хунта, захватившая власть в Украине, является врагом вашей родины, и вы должны перестать с ней общаться!

– А если я не сделаю этого?

– Если вы не сделаете этого, и еще раз пошлете свои книги в Киев, у вас могут быть очень крупные неприятности!

– Какие?

– Вас могут арестовать.

– Меня, писателя, решившего отдать свои книги в школьные сельские библиотеки?

– Вас, писателя, решившего отдать свои романы в библиотеку Майдана. Слава Богу, что она сгорела вместе со всеми вашими книгами!

– Она сгорела не только вместе с моими книгами, но и с девушкой-библиотекарем, которой я их посылал!

– Она должна была понимать, во что ввязывается, и какое возмездие ее ожидает!

– Это возмездие, о котором вы говорите, пало еще на сто человек, которые сгорели вместе с ней и вместе с моими книгами!

– Ну что же, они тоже знали прекрасно, чем все может закончиться. Но, по большому счету, смерть врага не может являться трагедией. Ведь согласитесь, не будете же вы называть трагедией смерть сотни фашистов во время великой отечественной войны!

– У нас с вами разные взгляды на фашизм, – зло ответил я прокурору.

– И очень плохо, что разные, – на удивление мягко сказал он мне. – Очень плохо, что у прокуратуры и у вас разные взгляды, прокуратуре хотелось бы, чтобы у нас с вами были одинаковые взгляды!

– Но это в принципе невозможно, мы с вами совершенно разные люди, у нас абсолютно разные принципы и идеалы!

– У людей, живущих в нашей стране, должны быть одинаковые принципы и идеалы. Особенно сейчас, когда под боком у нас выросла враждебная фашистская хунта. Миллионы русских людей осуждают действия этой хунты, а тысячи с оружием в руках сражаются против нее. И лишь вы один, как отщепенец, поете гимны этим фашистским выродкам!

– Я не пою никому гимны, я просто общаюсь со своими читателями.

– Общайтесь с ними в России, и мы с радостью окажем вам в этом содействие. Но если вы будете общаться за пределами вашей родины, мы вас арестуем!

– Вы это серьезно?

– Абсолютно серьезно. Арестуем, и посадим в тюрьму. Так что трижды подумайте, прежде чем решитесь опять послать в Киев свои книги.

– А как вы узнаете, послал я их туда, или нет?

– Прокуратура всегда все знает, у нас достаточно инструментов и возможностей знать абсолютно все о любом человеке!

– Вы что, будете за мной следить?

– Я не исключаю и такой вариант.

– И прослушивать мои телефоны?

– Американцы давно прослушивают телефоны по всему миру.

– Но американцы мне не угрожают!

– Это только вам кажется, американцы угрожают всем, они и Майдан в Украине устроили. Не будь американцев, в Киеве бы не было ни Майдана, ни хунты!

– Это ваше личное мнение?

– У прокурора, беседующего с человеком, не бывает личного мнения. У него всегда только официальное мнение!

– Мне что, придется подписать какие-то бумаги, в которых бы я обязался не общаться с киевскими фашистами?

– Ну что вы, какие бумаги, до бумаг мы пока еще не дошли, это была всего лишь профилактическая беседа. Мы вас предупредили, и дальнейшая ваша судьба зависит только от вас!

– Разумеется, человек хозяин своей собственной судьбы!

– Не ерничайте, ведите себя прилично, вам это пойдет только на пользу. И, кстати, о чем вы пишете в этих своих романах?

– А вы можете их почитать, они, между прочим, есть здесь, в городской библиотеке.

– Если я их захочу почитать, то возьму не в городской библиотеке, а в вашей личной библиотеке.

– Вы что, устроите у меня обыск?

– Если интересы дела потребуют этого.

– Какого дела?

– Вашего дела, – мягко ответил он, и показал на лежащую рядом с ним папку, на которой было написано мое имя.

– Выходит, что уже есть и дело?

– А вы как думали? Надо было, дорогой мой, думать раньше, а теперь лучше не думайте, а отдохните какое-то время, а потом с новыми силами принимайтесь за литературную работу. И мой вам совет: не пишите вы больше о революциях, пишите лучше о чем-то приятном. Вокруг так много приятного и хорошего, так много положительных примеров, что нет смысла писать о негативном. А если сами не сможете найти в жизни вдохновляющие примеры, приходите к нам, мы с радостью их вам покажем. Тем более сейчас, после присоединения Крыма к России, такие примеры множатся день ото дня. А пока давайте заканчивать, времени совершенно нет, очень, знаете ли, много работы в последние дни.

– После присоединения Крыма к России?

– Опять ерничаете! – укоризненно сказал он, и помахал в воздухе указательным пальцем. – Не можете вы спокойно и ответственно принять то, что вам говорят, но, впрочем, это простительно, поскольку вы писатель. Можете идти, и, как я уже советовал, отдохните какое-то время, не делайте ничего, и, главное, никуда ничего не посылайте. Особенно в Киев, где правит бал фашистская хунта.

Он протянул руку, и я машинально пожал ее. Рукопожатие у него было такое же неопределенное, как и его лицо, то есть по нему нельзя было определить, друг он мне, враг, или вообще нечто иное.

10. Берег

Конец мая. Прозрачное море похоже на огромное зеркало, в котором отражаются небо, облака, растущие у берега сосны и неподвижные, изъеденные солью и волнами, буны. Чайки пикируют вниз с пронзительными сердитыми криками, в которых заключено все: и страх потерять обретенную когда-то свободу и высоту, и жалоба на то, что в море совсем не осталось рыбы. Чайки всегда кричат жалобно и сердито, они небесные комиссары, им с высоты хорошо видны пороки и недостатки людей. А также их достоинства, если они, конечно же, есть. Но чайки с людьми слишком разные, они существуют в совершенно разных мирах, и у них нет ничего общего. Разве что мечта некоторых одиночных людей о свободе и о высоком полете, которая почти никогда не бывает исполнена. Кроме того, чайки великие пересмешники, они постоянно высмеивают тех, кто внизу. Высмеивают собак, заставляя их поднимать голову кверху, бешено лаять, а потом мчатся вслед за спикуровавшей к ним с высоты чайке. Высмеивают машины и другие движущиеся механизмы за то, что они не могут летать, как они. Высмеивают редких, первых, лежащих на камнях, отдыхающих за то, что они по неизвестной причине притворяются мертвыми. Ну и, разумеется, высмеивают меня. Они высмеивают меня за то, что я на море, рядом с бунами, на небольшом укромном пятачке, жгу свои рукописи. Писатель должен регулярно жечь свои рукописи, если он не хочет потонуть в ворохе слабых, и по разным причинам не получившихся вещей. Некоторые вещи могут настолько вас измотать, настолько ослабить физически и морально, что единственный способ избавиться от них – это торжественно сжечь, понимая, что этим актом всесожжения ты очищаешь свое тело и свою душу, и открываешь путь чему-то новому и гениальному. Все великие писатели и поэты жгли свои рукописи, очень часто при свечах, с бокалом вина в руках, в торжественной и благоговейной тишине. Торжественность и благоговейность – это обязательное условие сожжения рукописи. Действо это абсолютно интимное, и во время него рядом с вами не должно находиться ни единой души. Только вы и те рукописи, которые вы сжигаете. Ну и, конечно, огонь. И больше никого. Некоторые поэты сжигали свои рукописи на специальных блюдах, иногда серебряных, а иногда даже и золотых. Некоторые писатели, такие, как Гоголь, сжигали их в каминах. Сжигают рукописи слабые, неудавшиеся, которые портят общую картину вашего творчества и мешают вам двигаться вперед. В будущих академических собраниях сочинений должны быть одни лишь чеканные божественные строки, и больше ничего, абсолютно ничего. Потомки, считающие тебя гением, должны видеть только золотые самородки, только россыпи сверкающих самоцветов, разбросанные по страницам то ли твоего собрания сочинений, то ли единственного невзрачного томика стихов, навечно поместившего тебя в сонм олимпийских небожителей. Это хорошо понимали писатели, не успевшие сжечь все лишнее, и завещавшие своим потомкам сделать это вместо них. Это хорошо понимал Гоголь, сжегший второй том своих «Мертвых душ». Сжегший его именно потому, что этот второй том не получился, что он был настолько слаб, что попросту дискредитировал Гоголя, как великого писателя. Все великие писатели и поэты велики именно потому, что их произведения им диктуются свыше. Диктуются небесными существами, то ли ангелами, то ли музами, которые неслышно для остальных нашептывают им на ухо божественные строчки. Строчки, которые от века хранятся в неких небесных библиотеках, заполненных миллионами, от века же написанных, книг. Именно в этом смысл выражения, что книги не горят. Именно в этом смысл выражения, что не горят рукописи. Они могут сгореть здесь и сейчас, их могут сжечь варвары, наподобие прошлых и нынешних Геростратов, наивно считающих, что они уничтожают их на века. Или их может сжечь поэт, сжигающий свое недописанное стихотворение, которое все равно останется, если оно того стоит, там, наверху, в незримой небесной библиотеке, от века наполненной миллионами готовых рукописей. Что же касается Гоголя, первый том «Мертвых душ» которому попросту

продиктовали, то после этого ему не диктовали уже ничего. Не диктовали потому, что второго тома в природе, как земной, так и небесной, попросту не существовало. Предприняв колоссальные усилия, пролив бездну слез, утратив все возможные иллюзии, Гоголь так и не смог записать второй том «Мертвых душ», искренне считая это трагедией. Слава Богу, что у него хватило решимости сжечь те неудавшиеся страницы, которые все же вышли из-под его пера! Те же обрывки, которые случайно остались, и дошли до нас, как раз и говорят о том, что диктовать Гоголю перестали. Перестали потому, что в небесной библиотеке попросту не было в наличие второго тома, а также потому, что ему и так продиктовали достаточно. Вся русская литература вышла из Гоголя, и, не будь его, мы имели бы всего лишь Фонвизина и Жуковского, да гордо сверкающий среди них снегами и льдом Монблан Пушкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.